

4 декабря

Владимира Михайловича БАЛЫКА —
председателя Хозяйственного суда Кирово-
градской обл.

5 декабря

Валентину Иванову ЕМЕЛЬЯНОВУ —
председателя Харьковского апелляционно-
го административного суда.

6 декабря

Валерия Викторовича КУЛАКОВА — про-
курора Запорожской обл.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Совершенно секретно
Военный прокурор войск МВД Украинского округа
15 февраля 1949 г. № 4/001345

Секретарю Центрального Комитета КП(б) Украины
товарищу Н. С. Хрущеву:

Министерством Госбезопасности Украинской ССР и его управлениями в западных областях Украины в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья широко применяются т. н. спецгруппы, действующие под видом бандитов УПА.

Этот весьма острый метод оперативной работы, если бы он применялся умело, по-настоящему конспиративно и чекистски подготовленными людьми, несомненно, способствовал бы скорейшему выкорчевыванию остатков бандитского подполья.

Однако, как показывают факты, грубопровокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу с бандитизмом, но — наоборот, усложняют ее, подрывают авторитет советской законности и, бесспорно, наносят вред делу социалистического строительства в западных областях Украины.

Например: 1. В марте 1948 года спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ «Крылатым», дважды посещала дом жителя с. Грички Дубовицкого р-на Ровенской области Паламарчука Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко избивала Паламарчука Г. С. и его дочерей Паламарчук А. Г. и Паламарчук З. Г., обвиняя их в том, что якобы они «выдавали органам МГБ украинских людей».

«Крылатый» и участники его группы подвергали пыткам Паламарчука А. Г. и Паламарчук З. Г., подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжело избивая, заставляли Паламарчука З. Г. и Паламарчука А. Г. дать показания, что они с органами МГБ связаны не были, а, наоборот, были связаны с участниками украинского националистического подполья.

Участники спецбоевки предупредили членов семьи Паламарчука о том, что если они посмеют заявить органам Советской власти о посещениях их дома бандитами, то над ними будет учинена расправа.

На основании полученных таким провокационным путем «материалов» 18 июля 1948 года Дубровицким РО МГБ Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. были арестованы, причем, как заявили арестованные, сотрудники райотдела МГБ во время допросов их также избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами.

В результате вмешательства Военной прокуратуры провокационный характер обвинения Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. был установлен, и постановлением УМГБ от 24 сентября 1948 г. дело по обвинению указанных лиц было прекращено.

2. В ночь на 22 июля 1948 г. спецгруппой МГБ из с. Подвысоцкое Козинского р-на Ровенской области был уведен в лес местный житель Котловский Федор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергали пыткам, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива, и в том, что якобы он выдавал органам Советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали целью путем истязаний и угроз лишения жизни заставить Котловского дать показания, что он является врагом Советской власти.

В результате истязаний Котловский находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 г.

По заключению больницы, Котловскому Ф. Л. были нанесены тяжелые телесные повреждения с явлениями сотрясения мозга и омертвлением мягких тканей тела.

3. В ночь на 22 июля 1948 г. той же спецгруппой был уведен в лес житель с. Ридкив Михальчук С. В., инвалид Отечественной войны. В лесу Михальчук был подвергнут допросу, во время которого его связывали, подвешивали и тяжело избивали, добиваясь таким путем показаний о связи с бандитами.

Продержав Михальчука в течение 2 суток в лесу, участники спецгруппы его отпустили, причем в результате истязаний он в течение 7 дней находился на стационарном излечении в больнице.

4. В ночь на 23 июля 1948 г. этой же спецгруппой из с. Подвысоцкое

была уведена в лес гр-ка Репницкая Нина Яковлевна, рожд. 1931 г. (т. е. 17 лет. В. К.).

В лесу Репницкая была подвергнута пыткам. Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжело ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнашивали.

В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой она находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия т. н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями.

Не располагая достаточными материалами, т. н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвами их произвола часто являются лица, не причастные к украинско-бандитскому националистическому подполью.

Наряду с этим следует указать, что этот метод работы органов МГБ хорошо известен оуновскому подполью, которое о нем предупреждало и предупреждает своих участников. В частности, об этом свидетельствует факт обнаружения в убитого бандита «Гонты» полного отчета о провокационных действиях спецгруппы МГБ в отношении гр-на Котловского.

Не являются также секретом подобные «операционные комбинации» и для тех лиц, над которыми участники спецгрупп чинили насилие, например:

В августе 1948 года Военной прокуратурой было прекращено дело арестованных Львовским областным управлением МГБ Стоцкого Степана Петровича и Дмитрия Екаторины Григорьевны.

Указанные лица в сентябре 1947 года были незаконно арестованы и, поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса вынуждены были оговорить себя.

Насколько жестокими были пытки, которым подвергались указанные выше граждане, свидетельствует тот факт, что Стоцкой с 22 сентября 1947 года по январь 1948 года находился на излечении в Лопатинской больнице и в стационаре внутренней тюрьмы УМГБ по поводу глубоких и обширных язв, образовавшихся в результате физического воздействия на мягкие ткани тела.

В процессе следствия выяснилось, что Стоцкому стало известно, что его избивали не бандиты, а лица, имеющие отношение к органам МГБ.

В связи с отсутствием материалов для предания суду Стоцкой и Дмитрия почти спустя год после их ареста из-под стражи были освобождены.

В апреле 1943 года Львовским облуправлением МГБ была освобождена из-под стражи Зацерковная Мария, рожд. 1927 года, арестованная Заболотским РО МГБ Львовской области.

В процессе расследования дела было установлено, что Зацерковная была пропущена через спецбоевку, где, будучи избитой и под угрозой повешения, вынуждена была оговорить себя, что состоит в ОУН и является станичной.

10 октября 1948 года Здолбуновским райотделом МГБ Ровенской области был арестован за пособничество бандитам житель хутора Загребля Здолбуновского района Дембицкий Петр Устинович.

Дембицкий обвинялся в том, что по заданию бандитов ОУН собирал для них зерно.

Расследованием установлено, что в сентябре 1948 года к нему в дом явились вооруженные бандиты и потребовали, чтобы он среди жителей хутора собрал для них 30 центнеров хлеба. Боясь репрессии за невыполнение этих требований Дембицкий обратился к некоторым жителям хутора с просьбой собрать зерно, но в этом ему граждане отказали.

Спустя несколько дней к Дембицкому вновь явились несколько человек вооруженных и, дав ему время один час, приказали собрать у жителей хутора зерно и доставить в указанное место.

Оригинал, машинопись. ЦГАООУ, ф. 1, оп. 16, д. 68, л. 10-17

Боясь неизвестных, Дембицкий запретил свою лошадь, погрузил на повозку 3 мешка лично ему принадлежащего зерна и повез это зерно в указанное неизвестным место. Однако неизвестные, как оказалось — участники спецгруппы МГБ, доставили Дембицкого в райотдел МГБ, где был составлен акт о задержании Дембицкого с поличным.

После ареста Дембицкого в Военную прокуратуру явился его жена, которая среди посетительниц вела разговоры о том, что под видом бандитов действовали сотрудники МГБ, запугавшие и спровоцировавшие ее мужа.

Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны и, как показывает следственная практика, если в отдельных случаях спецгруппам путем насилия и запугивания все же удается получить «признательные показания» от отдельных лиц о связи их с бандитским подпольем, то добросовестное и проведенное в соответствии с требованиями закона расследование неизбежно вскрывает провокационную природу этих «признательных показаний», а освобождение из тюрьмы арестованных по материалам спецгрупп влетает за собой дискредитацию советской законности, органов МГБ и возможность использования каждого случая [провокаций] во вражеских, антисоветских целях украинскими националистами.

Выступая в роли бандитов УПА, участники спецбоевок МГБ занимают антисоветской пропагандой и агитацией.

Однако серьезная опасность подобной деятельности заключается не только в этом.

Выступая в роли украинских националистов, участники спецбоевок идут дальше по линии искусственного, провокационного создания антисоветского националистического подполья.

Как показало расследование, проведенное Управлением охраны МГБ Ковельской ж. д. по делу Ногачевского Ф. И. и других, спецгруппа Ровенского областного управления МГБ в составе «Степового», «Верхового» и других, действуя провокационным путем, проводила среди граждан Козинского района Ровенской области антисоветскую агитацию, обрабатывала граждан в националистическом духе, создала из местного населения антисоветскую националистическую группу в составе 9 человек, через которую проводила сбор денежных средств и продуктов питания якобы для нужд УПА.

Не говоря уже о том, что подобная «деятельность», которую кто-то пытается оправдать соображениями оперативного характера, прямо направлена против мероприятий

партии и правительства, проводимых в западных областях Украины, — кто может поручиться за то, что «обработанные» таким провокационным путем лица не уйдут из-под контроля органов МГБ и не совершат террористический акт, диверсию или иное злодеяние.

Ведь имеют же место факты, когда в результате беспечности и притупления бдительности со стороны отдельных работников МГБ даже агента МГБ выхолдила из-под контроля органов государственной безопасности и занималась антисоветской деятельностью.

Например: в ночь на 13 сентября 1948 года в с. Ставки Ровенского района Ровенской области участником антисоветской националистической организации был разоружен боец самообороны Ковалишин и совершен террористический акт над жительницей с. Ставки Кучинец Лидией Фадеевной, являвшейся секретным сотрудником органов МГБ.

Как установлено предварительным и судебным следствием, организаторами данной националистической группы и инициаторами убийства гр-ки Кучинец Л. Ф. являлись секретные сотрудники Ровенского РО МГБ Парфенюк Н. В. и Грицай С. И., которые в результате преступного деячества и притупления бдительности со стороны нач-ка РО МГБ майора Егорова к уголовной ответственности привлечены не были.

Получив данные о причастности Парфенюка и Грицай к националистической организации, разоружению бойца группы самообороны и убийству гр-ки Кучинец Л. Ф., нач-к РО МГБ майор Егоров вызвал Парфенюка и Грицай в РО МГБ и, установив в беседе с ними, что они являются организаторами и участниками перечисленных выше преступлений, тем не менее не арестовал их, а по «оперативным соображениям» отпустил.

Воспользовавшись этим, Парфенюк и Грицай, предупредив о возможных арестах других участников террористической группы, скрылись.

Участники спецбоевок МГБ совершают ограбления местных граждан. По сообщению Козинского райпрокурора Ровенской области, в июле 1948 года на территории района ими были ограблены граждане Швейда Йосиф, Гравовский Иван и другие. Подобные факты имели место и в других областях и районах.

Эти грабежи, как и другие нарушения советской законности, также оправдываются оперативными соображениями и не только рядовыми работниками МГБ, но и самими министрами тов. Савченко, который в беседе со мной заявил:

«Нельзя боевки посылать в лес с консервами. Их сразу же расшифруют».

Таким образом, грабежи местного населения спецбоевиками рассматриваются как неизбежное зло, и политические последствия подобных эксцессов явно недооцениваются.

Насилие и грабежи, даже сам факт появления в населенном пункте спецбоевков, действующих под видом банды, как и любое бандитское проявление, действует на жителей устрашающе и, несомненно, мешает делу социалистического строительства в западных областях УССР, создает у некоторой части населения ложное представление о том, что бандитское подполье еще сильно, что его следует бояться и т. п.

Оуновские бандиты терроризируют граждан, желающих вступить в колхозы, но если в селе появляется не оуновская банда, а действующая под видом банды спецбоевка, от этого положение не меняется. В этом отношении характерен следующий случай:

28 сентября 1948 года в Каменец-Подольский горотдел МГБ колхозники с. Завалье по телефону сообщили, что в селе появилась вооруженная банда в составе 12 человек, которая подошла к кооперативу и колхозному амбару, проверила замки, а затем проследовала в направлении с. Слободка-Рихтешкая.

Фактически это была не оуновская банда, а спецбоевка Тернопольского областного управления МГБ. Характерно, что эту спецбоевку приняли за банду не только колхозники, но и работники Каменец-Подольского горотдела МГБ, откуда для ликвидации «банды» на грузовую автомашину была направлена группа сотрудников и офицеров Каменец-Подольского военного училища МВД.

Эта «операция» закончилась тем, что в результате аварии автомашины были убиты офицеры — ст. лейтенант Харченко И. П. и лейтенант Кирилчев В. М., а 16 офицеров и шофер-солдат Кондрацкий получили телесные повреждения.

Примеры из деятельности спецгрупп, повлекшие преступные действия, можно бы было продолжать, но материалы, которыми располагает Военная прокуратура, конечно, не исчерпывают всех случаев нарушения советской законности, допускаемых спецгруппами. Факты, о которых я докладываю Вам, были вскрыты в процессе расследования конкретных следственных дел, однако не каждый случай нарушения советской законности находит свое отражение в следственных делах и расследуется. Мне кажется, что большинство фактов именно не расследуются.

Более того, если Военная прокуратура и ставит перед МГБ УССР вопросы о наказании преступников, грубо попирающих советские законы, то со стороны МГБ УССР это не находит должного и быстрого реагирования: выскиваются не столько доказательства преступной деятельности лиц, грубо нарушивших закон, сколько различные поводы для того, чтобы «провернуть» факты, сообщенные Военной прокуратурой, и заволочить следствие.

Например, о фактах грубейшего нарушения законности спецбоевиками УМГБ Ровенской области Военная прокуратура сообщила в МГБ УССР еще в начале октября 1948 года, но тем не менее преступники были арестованы только в феврале с. г., причем до ареста их начальник управления МГБ по Ровенской области тов. Шевченко пытался «опровергнуть» факты, вскрытые Военной прокуратурой, и убедить секретаря Ровенского обкома КП(б)У тов. Бегму, что эти факты якобы расследовались и не нашли подтверждения.

Органы МГБ под руководством партии проводят огромную работу по выкорчевыванию остатков украинско-националистического бандитского подполья, в борьбе с которыми хороши все средства и нужны хитрость и изворотливость.

Но несмотря на сложность обстановки и коварность врага, недопустимы нарушения партийными и советскими законами, недопустимы нарушения постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года и постановления ЦК КП(б) У от 23 января 1948 года, на что Вы, Никита Сергеевич, неоднократно указывали.

Поэтому как коммунист, для которого партийные решения являются незыблемым законом жизни, я считаю своим долгом о приведенных выше фактах доложить Вам.

Военный прокурор войск МВД Украинского округа полковник юстиции Кошарский

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Особый интерес вызывает то, каким образом записка военного прокурора оказалась в СБУ, ведь г-н Наливайченко утверждает, что этот документ находится именно в их архиве.

Но дело в том, что на документе имеется пометка, указывающая, что докладная записка была отпечатана всего в двух экземплярах. Один из них был направлен адресату, т. е. Н. С. Хрущеву, а второй Кошарский оставил у себя. И сегодня экземпляр Хрущева хранится там, где ему и положено быть — в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (бывший партархив) в фонде ЦК КПУ. Экземпляр же Кошарского находится в фондах Центрального государственного военного архива в Москве.

Таким образом в архиве СБУ этого документа никогда не было. Докладчиком является и тот факт, что даже сотрудники Национальной академии СБУ, разрабатывающие тему противоборства советских спецслужб с националистическим подпольем и имеющие возможность работать непосредственно с документами из архива этого ведомства, при цитировании в своих трудах записки Кошарского всякий раз вынуждены обращаться либо к оригиналу из ЦГАООУ, либо к ранним публикациям этого документа в других источниках.

Отсюда вопрос: так что же собрался «рассекречивать» исполняющий обязанности главы Службы безопасности Украины?

Итак, документ давно рассекречен, опубликован во множестве статей и монографий и даже изучается в школах на уроках истории. К кому же оригинал находится в архивах, не имеющих к СБУ никакого отношения.

В связи с этим уместно задаться следующим вопросом: что это — вопиющий непрофессионализм г-на Наливайченко, который, не зная архивов собственного ведомства, спешит ошарашить многомиллионную телеаудиторию Украины липовыми сенсациями, или нечто другое?

Ведь максимум, о чем может идти речь, так это о «рассекречивании» копии докладной записки Кошарского, которую экстренно подготовили и разместили уже в фондах ГА СБУ.

И вот здесь возникает очень нехорошее предположение. В предыдущих номерах «2000» («Миф о передаче энкавэдэшникам» № 45 (389) от 9—15.11.2007 г., F1) мы подробно рассказывали, как в угоду политической конъюнктуре и открытому заказу некоторые современные «исследователи», включая высокопоставленных чиновников МВД, пользуясь недостаточностью для основной массы населения Украины архивных фондов, опускаются до прямой подделки архивных документов.

Напомним, что речь, в частности, идет о важнейшем для понимания событий тех лет письме наркома внутренних дел УССР В. Ясного, посвященного все тем же специальным группам НКВД-МГБ из бывших участников националистического подполья.

Преследуя цель всеми доступными средствами реабилитировать бандеровцев и переложить их юридическую и моральную ответственность за убийства мирных граждан на сотрудников правоохранительных органов, эти «исследователи» добавили в текст архивного документа столь необходимые им «доказательства» преступной деятельности спецгрупп, которые якобы убивали мирное население. Благо сохранился подлинный архивный документ, по которому нам и удалось разоблачить эту фальшивку.

Сегодня же г-н Наливайченко повторился на всю страну заявив, что в записке Кошарского якобы прямо говорится: спецгруппы «знищивали людей... в такой способ заливали пиясь себе злончиню пияму на тих, хто борюва за волю України». Сделаем необходимую оговорку, хотя сам документ и не был назван, но других, хотя бы косвенно имеющих отношение к заявлению и, о. шефа СБУ, попросту не существует.

Между тем, как могут убедиться читатели, в приведенном нами подлинном тексте этого документа факты массового убийства участниками спецгрупп мирного населения отсутствуют. Поэтому создаваемый сегодня ажиотаж вокруг записки военного прокурора Г. Кошарского и наводит нас на нехорошее предположение.

Благо если в этих предположениях мы ошибаемся и в конечном итоге выяснится, что в данном случае имела место не попытка фальсификации, а «досадная поспешность» с прочтением и оценкой документа.

В таком случае будем считать, что просто восторжествовала правда.

Дмитрий РОСОВ

► Пожалуйста, читайте продолжение темы на стр. 88